

С. С. Черноухова

«МАКУЛАТУРНЫЕ» КАМПАНИИ В УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Одним из важных направлений работы архивных учреждений страны в 1920–1930-х гг. была разработка проблемы их комплектования. С ней была тесно связана утилизация документов, утративших практическое и научное значение. В отечественной литературе эти мероприятия традиционно определяются термином «макулатурные» кампании. Их активно поощряли многие руководители, ссылавшиеся на серьезные проблемы с обеспечением сырья бумажных фабрик страны.

Общие сведения о «макулатурных» кампаниях 1920–1930-х гг. имеются в ряде современных научных работ по истории архивного дела¹. Краткий анализ их проведения в отдельных регионах и архивах страны содержится в нескольких небольших статьях и заметках². Осуществление же макулатурных кампаний на Урале остается практически не освещенным в историографии.

Между тем по этой проблематике имеется значительное количество материалов, не введенных в научный оборот. Они содержатся в годовых и квартальных отчетах архивных учреждений Урала, переписке Уральского областного архивного бюро (Уралоблархбюро) с Центральным архивным управлением (ЦАУ) РСФСР и окружными архивными бюро, протоколах поверочных и разборочных комиссий. Эти ценные материалы хранятся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ)³ и Государственного архива Свердловской области (ГАСО)⁴.

Целью статьи является анализ «макулатурных» кампаний в Уральской области (1923–1934). Именно в этот период проводилось наиболее масштабное по объемам уничтожение архивных материалов. Оно отражено в сохранившемся репрезентативном комплексе документов.

На протяжении 1920-х гг. комплектование государственных архивов СССР проводилось в соответствии с декретом СНК «О хранении и уничтожении архивных дел» от 31 марта 1919 г. Оконченные дела советских учреждений хранились в них не более пяти лет. По истечении этого срока документы передавались в соответствующие архивные учреждения, где специальные «разборочные комиссии» осуществляли экспертизу и отбор

материалов, подлежащих долгосрочному хранению в архивах. Они формировались из сотрудников архивов, представителей учреждений и независимых экспертов⁵.

Однако малочисленные комиссии не успевали разбирать и описывать обширные материалы, отобранные для долгосрочного хранения. Проблема совершенствования принципов комплектования Единого государственного архивного фонда (ЕГАФ) особенно обострилась во второй половине 1920-х гг. В тот период архивные учреждения приступили к массовому приему документов предприятий и организаций с истекшим сроком ведомственного хранения. Кроме того, на бумажных фабриках страны обострилась проблема сырья в связи с резким сокращением импорта целлюлозы. Ее «компенсацию» ряд руководителей планировал за счет «разгрузки» архивов от «ненужного хлама»⁶. Все это стало основой для проведения очередной масштабной «макулатурной» кампании.

Постановлением СНК РСФСР «О порядке ликвидации не подлежащего хранению архивного материала» от 13 апреля 1928 г. была окончательно отменена монополия Центрархива на архивную макулатуру. Права на выделение макулатуры были переданы непосредственно самим фондообразователям. В архивные учреждения стали сдавать только дела постоянного хранения. Предназначенные к уничтожению материалы отправлялись на государственные бумажные фабрики непосредственно сами фондообразователи⁷.

Инструкции по проведению в жизнь этого правительственного решения надлежало выработать Центрархиву по согласованию с Институтом техники управления при Наркомате рабоче-крестьянской инспекции (РКИ) СССР. В дальнейшем структурные подразделения именно этого наркомата играли ключевую роль в «макулатурных» кампаниях в конце 1920-х – 1930-е гг.

Решение о начале новой масштабной «макулатурной» кампании приняли Совет труда и обороны (СТО) СССР 28 ноября 1928 г. и внеочередное заседание Экономического совета РСФСР 3 декабря 1928 г. На их основе ЦАУ РСФСР 12 декабря 1928 г. был издан циркуляр «О проведении местными органами Центрархива РСФСР срочной кампании по снабжению бумажной промышленности архивными материалами, не подлежащими хранению». Основным мотивом в проведении этого мероприятия был признан недостаток сырья на бумажных фабриках.

Постановлением Наркомата РКИ СССР «О порядке изъятия из учреждений и предприятий архивной и иной бумажной макулатуры для нужд бумажной промышленности» от 20 декабря 1928 г. директивно вводились методы, послужившие основой для пересмотра принципов комплектования государственных архивов страны. Документы предлагалось обработать самим учреждениям-фондообразователям в двухмесячный срок.

Именно им в первый месяц было предложено составить отборочные списки материалов первой очереди, «бесспорно не имеющих научно-исторической ценности», во второй — документов, «требующих предварительного просмотра». Эти списки требовалось предоставлять на утверждение в окружные архивные бюро.

Архивные бюро были обязаны рассмотреть их в течение трех дней. Если в этот срок списки рассмотреть не успевали, то они автоматически считались утвержденными. Это давало предприятиям и учреждениям право сдавать документы в утилизацию без санкции архивистов. Подобная практика была распространена и на хранилища государственных архивов, которые отправляли свои списки на утверждение областным бюро.

Механизм проведения экспертизы ценности документов был существенно упрощен. Поверочные комиссии, ранее существовавшие лишь в республиканских и областных центрах, теперь создавались практически в каждом окружном архиве и состояли из членов разборочных комиссий. Их деятельность во многом становилась формальной, так как по существу сводилась к утверждению собственных решений. К тому же за ударную работу по отбору макулатуры предполагалось материальное вознаграждение в виде премий⁸. Все это закономерно привело к плачевным последствиям для отечественных архивов.

Новая «макулатурная» кампания на Урале началась сразу после поступления директивных документов. Общее руководство осуществляли Уралоблархбюро (с 1932 г. — Уральское областное архивное управление) совместно с Областным отделом РКИ⁹.

До этого архивными учреждениями края уже проводилась плановая сдача макулатуры. В ряде губернских архивов (Пермском, Тобольском, Челябинском), позднее вошедших в состав Уралоблархбюро, она началась в 1922 г., в Екатеринбургском — в 1923 г.¹⁰ Объемы сданной макулатуры закономерно возрастали (см. табл. 1).

Теперь же именно сдача макулатуры стала ключевым направлением деятельности. Решением Сопровождающего Уралоблархбюро от 27 декабря 1928 г. была прекращена текущая плановая работа Областного архива, кроме выдачи справок. Большинство сотрудников были привлечены к «отборке макулатуры»¹¹.

31 декабря 1928 г. состоялось собрание архивных работников Свердловска, на котором присутствовало 74 руководителя. На нем решили немедленно приступить к составлению отборочных списков на архивные материалы, не подлежащие хранению. Такие списки должны были представить учреждения города на утверждение Уралоблархбюро в течение первой декады января 1929 г.¹²

Т а б л и ц а 1

Сведения о количестве макулатуры, выделенной архивными учреждениями
Уральской области в 1924–1927 гг., кг*

Название архивного учреждения	1924	1925	1926	1927
Уралоблархбюро	11 216	63 383	49 930	85 737
Верхнекамский окружной архив	–	–	–	10 282
Златоустовский »	–	–	–	–
Ирбитский »	960	320	4 448	–
Ишимский »	–	–	–	–
Кунгурский »	–	–	–	–
Курганский »	–	–	–	–
Пермский »	800	–	21 905	18 885
Сарапульский »	–	–	–	–
Тобольский »	272	202	–	89 404
Тагильский »	–	–	–	–
Троицкий »	–	–	–	–
Тюменский »	–	11 984	1 228	4 147
Челябинский »	8 875	1 687	1 486	5 554
Шадринский »	–	–	–	17 681
<i>Всего</i>	<i>22 123</i>	<i>77 576</i>	<i>78 997</i>	<i>23 1690</i>

* Составлено автором по: ГАСО. Ф. Р–316. Оп. 1. Д. 221. Л. 42, 45. Тире означают, что макулатура в эти годы не выделялась.

При Уралоблархбюро была создана поверочная комиссия, которая заседала через каждые два дня¹³. Ее возглавил сам заведующий бюро Дмитрий Александрович Киселев. В состав комиссии входило более половины личного состава Уралоблархбюро (6 человек из 11)¹⁴.

В округах при архивных учреждениях также были созданы поверочные и разборочные комиссии. Поверочные комиссии обычно состояли из заведующего архивом, краеведа и представителя окружного исполкома. Они занимались утверждением отборочных списков «первой очереди». Разборочные комиссии создавались для отбора материала «второй очереди». Их целью была тщательная проверка дел для архивного хранения. В разборочные комиссии входили архивариус, представители от учреждений и сотрудник архивного бюро. Свои протоколы и акты они представляли в областную поверочную комиссию¹⁵.

Однако далеко не во всех окружных бюро была возможность создания поверочной комиссии. В некоторых не удавалось создать даже разборочную комиссию, т. к. единственным архивным работником в них являлся заведующий бюро. Такая ситуация сложилась в Троицком, Кунгурском и Верхнекамском окружных бюро. Поэтому работу поверочных и разборочных комиссий здесь пришлось выполнять непосредственно Уралоблархбюро, командируя своих сотрудников¹⁶.

Все предприятия и учреждения к 1 сентября 1929 г. должны были закончить отбор не подлежащих хранению материалов первой очереди на нужды бумажной промышленности. Далее основное внимание уделялось документам «второй очереди». Уралоблархбюро обязало окружные бюро предоставлять сведения о количестве выявленной макулатуры к каждому первому числу месяца (с сентября 1929 г. по январь 1930 г.)¹⁷

На Урале «макулатурная» кампания происходила с большим размахом. Из-за нее архивным учреждениям даже приходилось отменять ранее запланированные работы. Например, в годовом отчете Пермского окружного архивного бюро за 1928/29 бюджетный год отмечалось: «...макулатурная кампания вывела всю работу из намеченного русла»¹⁸. В Тобольском окружном бюро «...отступления от плана вызваны необходимостью ...выборкой макулатуры»¹⁹.

Причем некоторые уральские учреждения даже переусердствовали. Так, Курганская почтово-телеграфная контора сдала Госторгу абсолютно весь свой архив и архив почтово-телеграфных отделений округа 1917–1926 гг., в том числе секретные документы. Виновные были привлечены к суду²⁰.

Однако далеко не все учреждения Уральской области бросились немедленно сдавать макулатуру. Например, Свердловская геофизическая обсерватория не торопилась с уничтожением документов. В письме в областной архив ее руководством сообщалось, что архив обсерватории имеет большую научную ценность, и даже «материалы первой очереди ...необходимы обсерватории для справок»²¹.

Особое внимание проведению «макулатурной» кампании на местах закономерно уделял Центрархив РСФСР. Он требовал от архивных учреждений регулярных отчетов о выделении макулатуры. По результатам их проверок выносились соответствующие резолюции. Так, узнав о том, что в апреле — мае 1930 г. не производилось выделение макулатуры в Златоустовском, Ирбитском, Верхнекамском, Кунгурском, Пермском, Челябинском окружных архивных бюро Уральской области, Центрархив сразу же призвал Уралоблархбюро «провести в ударном порядке организацию работ по выделению макулатуры»²².

В то же время Центрархив настороженно относился к слишком большим объемам выделяемой макулатуры. Так, инструктор Центрархива Жданович в феврале 1929 г. указал на недостаточно внимательное отношение поверочной комиссии при Уралоблархбюро при отборе документов. В частности, он отметил, что на Урале, «вопреки существующим инструкциям Центрархива», при попустительстве местной поверочной комиссии были уничтожены первичные материалы переписи населения²³.

В 1930 г. Центрархив сразу отреагировал на завышенный план сдачи макулатуры Пермским окружным архивом (50 тонн). В письме Уралоб-

лархбюро было сказано, что «это заведомо обрекает на гибель остатки ценнейшего материала». Он предложил в целях разумной организации работы поверочной комиссии командировать специалиста из областного архивного бюро в Пермь²⁴.

Само Уралоблархбюро (управление) также неоднозначно влияло на проведение «макулатурных» кампаний. С одной стороны, оно тщательно рассматривало протоколы разборочных комиссий архивных учреждений области с целью сохранения ценных документов. В результате поверочная комиссия Уралоблархуправления в мае 1933 г. постановила оставить на дальнейшее хранение 44 дела, связанных с деятельностью земств в сфере народного образования, которые были предоставлены к уничтожению разборочной комиссией Пермского архивного бюро²⁵.

С другой стороны, по вине Уралоблархбюро в районы своевременно не поступали указания и инструкции по выделению архивных документов на уничтожение. Это приводило к сбоям, задержкам при сдаче макулатуры²⁶.

Вторым ведомством, игравшим ключевую роль в организации процесса изъятия из архивохранилищ документов, признанных негодными к хранению, был Наркомат РКИ. Его местные органы устанавливали объемы и сроки выполнения заданий по доставке архивной «макулатуры» предприятиям Госторга. Так, в августе 1929 г. областная коллегия НРКИ отмечала, что «дело сбора макулатуры организовано слабо», и в связи с этим Уралоблархбюро поручалось «усилить наблюдение за извлечением макулатуры из архивов»²⁷. Эта же областная коллегия после 1931 г. была постоянно озабочена снижением объемов сдаваемой макулатуры, призывая архивные органы области к усилению темпов сдачи в утиль архивных материалов²⁸.

С 1931 г. было отменено денежное премирование за сверхплановый отбор макулатуры²⁹. Однако это не положило конец «макулатурным» кампаниям. 27 марта 1931 г. СТО СССР предписал архивным органам срочно перестроить свою работу, чтобы в трехмесячный срок провести очередную подобную кампанию. Предусматривалась сдача учреждениями архивного материала, не имеющего практической ценности по 1930 г. включительно³⁰. Новая («ударная») «макулатурная» кампания была начата на основе постановления СТО СССР «Об обеспечении бумажной промышленности сырьем» от 17 декабря 1932 г. Составленный на его основе циркуляр ЦАУ был разослан местным учреждениям в феврале 1933 г.³¹

Согласно договору, заключенному с Госторгом, расчет за сданную макулатуру производился непосредственно с Уралоблархбюро в Свердловске. Окружные архивные бюро не имели права вести непосредственно расчет с Госторгом и должны были представлять в Уралоблархбюро акты отправки макулатуры³². Цены на макулатуру были утверждены Коллегией Наркомата торговли РСФСР в феврале 1929 г. Они

Наркомата торговли РСФСР в феврале 1929 г. Они составляли от 30 до 75 рублей за тонну в зависимости от сорта³³.

Количественные итоги «макулатурных» кампаний в Уральской области трудно подвести с большой точностью. Учет документов, отправленных на бумажные фабрики, велся крайне неудовлетворительно. Для ведомственных архивов это сделать было просто невозможно.

По государственным архивным учреждениям Уральской области в период «макулатурной кампании» 1928–1932 гг., по сохранившимся отчетам, было уничтожено 1 356,2 тонн документов (см. табл. 2). В тот период в целом по стране государственными архивами было выделено 14 069 тонн макулатуры³⁴. Таким образом, государственными архивными учреждениями Уральской области было сдано примерно 9,6% всей макулатуры страны.

Таблица 2

*Сведения о количестве макулатуры, выделенной архивными учреждениями
Уральской области в 1928–1933 гг., кг. **

Название архивного бюро	1928	1929	1930	1931	1932	1933
Уральское областное	77 282	106 619	125 612	103 800	57 900	51 000
Верхнекамское	3 000	4 765	10 419	2 500	н.св.	н.св.
Златоустовское	2 432	8 152	5 630	9 000	н.св.	н.св.
Ирбитское	4 294	12 079	8 191	3 400	6 070	5 620
Ишимское	566	1 824	8 000	н. св.	787	300
Кунгурское	26 000	24 815	н. св.	н. св.	н. св.	н. св.
Курганское	9 499	14 067	2 957	4 000	8 500	4 333
Пермское	38 964	77 484	94 522	6 200	5 136	7 868
Сарапульское	7 978	77 000	7 681	2 000	3 790	2 162
Тагильское	16 083	29 000	н.св.	33 000	3 379	2 000
Тобольское	85 957	46 904	4 839	1 176	–	1 300
Троицкое	н. св.	4 210	2 615	–	н. св.	940
Тюменское	3 407	29 206	8 157	113 000	4 185	2 655
Челябинское	10 056	14 779	28 412	5 000	11 600	2 000
Шадринское	3 532	24 713	н. св.	2 000	н. св.	100
Всего	290 070	475 617	307 035	182 200	101 347	80 278

* Составлено автором по: ГАРФ. Ф. Р–5325. Оп. 9. Д. 315, 1600, 2387, 2649, 2936; ГАСО. Ф. Р–316. Оп. 1. Д. 213, 220, 253, 255, 261, 273. Тире означают, что макулатура в эти годы не выделялась.

С середины 1930-х гг. продолжалось изъятие архивных документов из архивохранилищ уральских архивов, но гораздо в меньшем объеме. В 1934 г. ЦАУ РСФСР обязало все краевые и областные архивные управления в срок до 10 февраля 1934 г. заключить договоры с местными конторами Союзтиля на сдачу макулатуры. При этом оно призывало «не

торами Союзутилия на сдачу макулатуры. При этом оно призывало «не ограничивая указанную работу тем количеством, которое указано Вами в контрольных цифрах». Затухание «макулатурных» кампаний относится только к концу 1930-х гг., когда архивные учреждения были переданы в систему Наркомата внутренних дел (НКВД).

Таким образом, утилизация архивных документов («макулатурные» кампании) в Уральской области регулярно проводилась уже с 1924 г. Резкий рост количества уничтожаемых документов произошел в 1925, 1927 и 1929 гг. После этого закономерно наступила стабилизация, произошло даже снижение объемов утилизируемых документов.

Как верно заметила В.С. Боброва, к уничтожению архивных документов по объективным причинам стремились самые различные силы. Руководители предприятий и организаций желали избавиться от компрометирующих их материалов, к тому же занимавших полезные площади. Сами архивисты пользовались моментом, чтобы избавиться от груды неразобранных, сваленных в кучи документов, разобрать и привести в порядок которые при малочисленных штатах практически не представлялось возможным. Нельзя не учитывать и такой фактор, как элементарное невежество новых управленцев, не понимавших значения исторических документов и не обладавших историческим сознанием. К тому же это происходило в условиях хронической нехватки сырья на бумажных фабриках страны.

В результате «макулатурные» кампании, с одной стороны, освободили ограниченные помещения архивохранилищ для приема новой документации. В ходе их проведения архивная служба постепенно отработывала поэтапную технологию уничтожения материалов, утративших свое значение, — от составления перечней со сроками хранения документов до вывоза их из архивов.

Вместе с тем мы согласны с современными исследователями в том, что пресловутые «макулатурные» кампании имели больше отрицательных последствий для развития архивного дела в стране в целом и в Уральской области в частности. Они нарушили утвержденный план деятельности многих учреждений, прежде всего архивных. Авральный характер их проведения неизбежно снижал качество комплектования архивных учреждений. К сожалению, невозможно восполнить значительные потери ценных для потомков документов, безвозвратно утерянных в ходе этих кампаний.

---

¹ См., например: *Савин В.А.* «Хранить нельзя уничтожить»: Формирование и организация Государственного архивного фонда РСФСР–СССР, 1918–1950-е годы. М., 2000; *Хорхордина Т.И.* История Отечества и архивы, 1917–1980-е гг. М., 1994.

- ² См. об этом: *Боброва В.С.* Макулатурные кампании 1920–1930-х гг. в Сибири // Отечественные архивы. 2001. № 5. *Щербина Т.А.* Макулатурные кампании в военных архивах России (1919–1931 гг.) // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 13–24.
- ³ Главархив СССР. Ф. Р–5325
- ⁴ Архивный отдел Свердловского облисполкома. Ф. Р–316.
- ⁵ См.: Сборник декретов, циркуляров, инструкций и распоряжений по архивному делу. М., 1921. С. 101–102.
- ⁶ См.: *Боброва В.С.* Указ. соч. С. 13; *Савин В.А.* Указ. соч. С. 81.
- ⁷ См. об этом: *Савин В.А.* Указ. соч. С. 81.
- ⁸ См.: *Боброва В.С.* Указ соч. С. 12
- ⁹ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1600. Л. 26.
- ¹⁰ ГАСО. Ф. Р–316. Оп. 1. Д. 221. Л. 42, 45.
- ¹¹ Там же. Д. 218. Л. 13.
- ¹² Там же. Д. 221. Л. 6.
- ¹³ Там же. Л. 23.
- ¹⁴ Там же. Д. 231. Л. 39.
- ¹⁵ Там же. Д. 221. Л. 26; Д. 253. Л. 49.
- ¹⁶ Там же. Д. 259. Л. 20 об.
- ¹⁷ Там же. Д. 199. Л. 21.
- ¹⁸ Там же. Д. 265. Л. 9.
- ¹⁹ Там же. Д. 263. Л. 6 об.
- ²⁰ Там же. Д. 259. Л. 20 об.
- ²¹ Там же. Д. 221. Л. 30.
- ²² Там же. Д. 232. Л. 108.
- ²³ ГАРФ. Ф. 5325. Оп. 9. Д. 1600. Л. 26.
- ²⁴ ГАСО. Ф. Р–316. Оп. 1. Д. 231. Л. 64–64 об.
- ²⁵ Там же. Д. 330. Л. 474.
- ²⁶ Там же. Д. 329. Л. 12.
- ²⁷ Там же. Д. 221. Л. 90.
- ²⁸ Там же. Д. 329. Л. 5–5 об.
- ²⁹ *Боброва В.С.* Указ. соч. С. 18–19.
- ³⁰ *Савин В.А.* Указ. соч. С. 88.
- ³¹ *Боброва В.С.* Указ. соч. С. 19.
- ³² ГАСО. Ф. Р–316. Оп. 1. Д. 217. Л. 165.
- ³³ Там же. Д. 221. Л. 80.
- ³⁴ *Савин В.А.* Указ. соч. С. 92.